УДК 341.24

Алексей СИНДЕЕВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ФРОНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КОНТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЫ В 1944 г.

Статья поступила в редакцию 28.03.2020

Аннотация. В статье анализируются три проекта послевоенного устройства Европы. Два из них обязаны своим появлением дискуссиям в Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, возглавляемой одним из опытейших дипломатов того времени и бывшим наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым. Авторский замысел состоял в том, чтобы системно рассмотреть предложения и идеи советских дипломатов и специалистов по внешней политике. При этом, не оценивая их реалистичность, что с учётом огромного массива научной и научно-популярной литературы, посвящённой Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской (Берлинской) конференциям, было бы излишне, выявить основные установки советских дипломатов. Именно данные установки в итоге объединили различные подходы, концепции и проекты, явились *modus vivendi* и *modus operandi* советской дипломатии. Реконструкция логики рассуждений оказалась также чрезвычайно важной исследовательской задачей. СССР переформатировал свою внешнюю политику и оформлял ее как политику великой державы. В связи с этим более интересным в научном плане было бы смещение акцента с имперской традиции на конкретные внешнеполитические установки, последовательность их учёта и реализации во внешней политике.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД СССР, комиссия Литвинова, Майский, внешнеполитическое планирование.

Подготовка планов послевоенного устройства Европы и мира началась практически сразу после нападения гитлеровской Германии на СССР. Достаточно вспомнить московские предложения И.В. Сталина, сделанные А. Идену в 1941 г. и указание В.М. Молотову в 1942 г.: “Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой”¹. Получение гарантий требовало соответствующих дипломатических шагов и межго-

¹ Телеграмма из Москвы, получена в Лондоне в 18.30 24 мая 1942 г. См.: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 157.

© Синдеев Алексей Александрович – д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: a_sin74@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>

сударственных документов. Очевидно, что для советского руководства и дипломатической службы противодействие стремлению СССР восстановить границы 1941 г. и укрепить влияние страны не являлось чем-то экстраординарным.

Обращение же к 1944 г. оправдано как минимум двумя причинами: во-первых, благодаря военным успехам и под действием внешнеполитических вызовов настало время в плановом режиме провести системную ревизию собственных интересов, целей и возможностей. Во-вторых, именно “1944 г., – как отмечено в ставшем классическим учебнике МГИМО(У), – занимает особое место в истории Великой Отечественной войны... По мнению ряда историков, именно в событиях 1944 г. следует искать истоки холодной войны, распада “великой коалиции” и послевоенной конфронтации великих держав” [История..., 2012: 438–439].

Историография проблемы

Отправной точкой внешнеполитического возрождения статуса СССР в период войны традиционно считается победа в Курской битве. “Становилось ясно, – пишет профессор В.О. Печатнов, – что разгром Германии отныне является лишь вопросом времени. Западные союзники начинали понимать необходимость более тесного взаимодействия с СССР на основе учёта его интересов, а советское руководство обретало новую уверенность в своих силах” [Печатнов, 2015: 11]. Новые внешнеполитические задачи и перспективы способствовали детальному анализу вопросов послевоенного мира, что, констатирует В.О. Печатнов, отразилось и в принятии сентябрьского постановления СНК 1943 г., согласно которому произошло образование “Комисси[и] по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым и Комисси[и] по вопросам перемирия во главе с К.Е. Ворошиловым. В ноябре к ним добавилась Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, которую возглавил И.М. Майский” [Там же: 24].

Две первые комиссии занялись созданием условий ликвидации “опасны[х] уязвимы[х] мест в обеспечении безопасности страны”, к которым В.О. Печатнов отнес “проницаемость... западных границ, ограниченность выхода в мировой океан, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, остр[ую] нехватк[у] потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации, современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы” [Там же]. В результате, по мнению В.О. Печатнова, были выработаны “стратегические проекты”, которые “шли в русле традиционных геополитических устремлений России и при всей своей амбициозности не имели характера глобальной геополитической или идеологической экспансии”, хотя бы по причине того, что “советских планировщиков отличал... повышенный оптимизм в отношении продолжения сотрудничества с Западом и весьма позитивный для большевизма взгляд на роль США и Великобритании в послевоенном мире” [Там же: 27, 30]. Инициативы СССР относительно сфер влияния “представлялись в Москве обоснованными не только стратегически, но и морально, ибо считались заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма”, – приходит к выводу российский историк [Там же: 27].

В свою очередь профессор Е.О. Обичкина выделила три доминанты тогдашней советской внешней политики (успешное завершение войны, обеспечение длительного и выгодного СССР мира, участие в строительстве послевоенного мира) и определила основную трудность СССР как одновременное “укрепление взаимодействия с англо-американскими союзниками” и “препятствование установлению их исключительной гегемонии” [Обичкина, 2015: 201–202].

И.М. Майский, по ее мнению, “рассматривал два сценария послевоенных политических трансформаций: первый предусматривал демократизацию, второй – советизацию...” [Там же: 202]. Интересно, что “стратегические задачи в проекте Майского определялись не столько идеологией, сколько геополитическими интересами СССР”. Демократический сценарий освобождения в советском прочтении “подразумевал опору на представителей народного сопротивления не только в борьбе с германскими захватчиками, но и против “реакционных” или “профашистских” правительств, причём, как в отношении союзников Гитлера, так и в отношении его жертв” [Там же: 203–204].

Таким образом, стратегический (в смысле возможной реализации) и самостоятельный (в смысле влияния на последующие планы) характер проектов М.М. Литвинова и И.М. Майского не подвергается сомнению, хотя Е.О. Обичкина признаёт: “Позже станет ясно, что границы политического и социального переустройства Европы в замыслах Сталина сужались до границ возможного и определялись ситуацией на местах” [Там же: 202], т.е. реальной политикой [Великая Отечественная война, 2014: 324–449].

О сути внешнеполитического планирования в 1944 г.

Восприятие планов НКВД СССР 1944 г. в качестве стратегических и самостоятельных едва ли целесообразно, поскольку И.М. Майский и особенно М.М. Литвинов были задействованы И.В. Сталиным и В.М. Молотовым после отъезда в Москву для решения единственной практической задачи: определения максимальных возможностей СССР в послевоенном мире. Опыт и знание предмета обоими дипломатами должны были помочь получить необходимый результат. Советское руководство устраивало соревновательность и недовольство М.М. Литвинова “конкретным проектом” И.М. Майского.

В тех условиях И.В. Сталину было нужно, по всей видимости, увидеть общую картину выгодных для СССР действий и скорректировать имевшиеся у него представления и сведения, так как дальнейшая политика в реальной ситуации позиционной борьбы могла принести успех только, если заранее была бы согласована иерархия первоочередного, чем собственно и занимались комиссия М.М. Литвинова и И.М. Майский.

Вводные установки И.В. Сталина, озвученные им 6 ноября 1943 г., также не могли быть оставлены без внимания: “события истекшего года показывают, – говорил И.В. Сталин, – что антигитлеровская коалиция является *прочным объединением народов* (здесь и далее в цитате выделено мною. – А.С.) и основана на *крепком фундаменте*”; “мы должны будем... установить такой порядок в Европе, который бы *полностью исключал возможность* новой агрессии со стороны Германии; соз-

дать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи...”¹.

Создание “длительного сотрудничества” должно было означать прежде всего выстраивание фундамента мощи СССР, поскольку, по словам Сталина, “победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и напряжения. Она берется с боя”². Речь наверняка шла и о победе на дипломатическом фронте, а значит, о мобилизации усилий.

“Конкретный проект” И.М. Майского

11 января 1944 г. И.М. Майский в записке, адресованной В.М. Молотову и посвященной “вопросам будущего мира и послевоенного устройства”, сформулировал основную, или, по его словам, конкретную цель Советского Союза: создать “такое положение, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность... и сохранение мира”³. Длительным, полагал И.М. Майский, был бы временный период, когда “СССР успел бы стать столь могущественным... и ему уже больше не могла бы быть страшна никакая агрессия в Европе или в Азии”, т.е. понадобились бы сначала “около десяти лет для залечивания ран, нанесенных... войной”, а затем “минимум 30 лет, максимум 50 лет”.

В той исторической реальности на послевоенное устройство могли оказать влияние только три великие державы – СССР, США и Великобритания. Следовательно, особую роль, по мнению И.М. Майского, приобретали англо-американские противоречия, или противоречия между “динамическим империализмом” Соединённых Штатов, выраженном в “финансово-экономической аннексии”, и “консервативным империализмом” Великобритании, заключавшемся в стремлении сохранить имеющееся и сдерживать объективные центробежные силы в Британской империи. Послевоенное социально-экономическое положение Великобритании, утверждал И.М. Майский, приведёт к тому, что эта страна “вынуждена будет вести тяжёлую экономическую и политическую борьбу с США и, возможно, терять одну важную позицию за другой”.

Советский Союз, если он примется за “развязывание пролетарских революций”, размышлял И.М. Майский, может испортить отношения с обоими важными партнёрами. Отказ от пролетаризации Европы поможет избежать обострения и будет способствовать устойчивой нормализации. Различные причины (“нужды своего хозяйственного восстановления после войны и потребности сохранения мира”) должны убеждать, что СССР не имеет смысла проявлять революционную активность, поскольку по большому счёту “ни у США, ни у Англии нет (и не предвидится) никаких трудно разрешимых территориальных или экономических споров с СССР, а империалистическая экспансия США... в основном пойдёт мимо (Совет-

¹ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 г. Сталин И. О Великой Отечественной войне советского народа. М., 1948. С. 122, 125.

² Там же. С. 126.

³ Здесь и далее в подразделе цит. записки И.М. Майского по: Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 2–41.

ского Союза – авт.)”. Максимум, чем могут заняться американцы, считал И.М. Майский, – нейтрализацией СССР.

Таким образом, в “ближайший послевоенный период” неблагоприятных сюрпризов от Вашингтона ожидать не приходится. Позднее, не исключал заместитель наркома иностранных дел, “Америка могла бы создать для СССР немало серьезных затруднений”, к примеру, “начать сколачивать антисоветский блок в Европе”. Независимо от этого стратегические задачи советской внешней политики состояли в поддержании хороших союзнических отношений с США и Великобританией, а тактические – в использовании противоречий между ними.

Тем более “интересы борьбы за свои мировые позиции будут толкать Англию в сторону СССР... ибо её основная борьба в послевоенный период всё-таки будет борьбой с США”. Противоречивость британской позиции будет заключаться в том, что официальный Лондон все равно продолжит “играть американской картой против СССР и советской картой против США”, параллельно заботясь о выработке приемлемых для себя компромиссов с американцами. Несмотря на это, писал И.М. Майский, “такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США”.

Вместо пролетаризации, полагал он, “СССР способен стать центром притяжения... всех подлинно демократических средних и малых стран и подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе”, т.е. одновременно выступить в роли арбитра и защитника, что предполагало не только использование «гипноза “военной атмосферы”», готовности преодолевать разногласия во имя сохранения мира, но и быстрое разрешение жизненно важных вопросов – о границах и о переходе к социально-экономическому восстановлению.

В вопросе границ И.М. Майский ожидаемо призвал взять за основу границы страны 1941 г., для укрепления которых с “Финляндией и Румынией... должны быть заключены... пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран необходимого количества баз – военных, воздушных, морских”. Кроме того, “СССР должен быть связан с Финляндией и Румынией системой железных и шоссейных дорог, важных стратегически и экономически”.

Обезвреживание Германии, а именно так И.М. Майский обозначил политику на германском направлении, должно было продолжаться около 30–50 лет, из которых не менее 10 лет отводились на оккупацию стратегически важных пунктов, сопровождаемую разоружением, выплатой репараций, серьёзным идеологическим перевоспитанием немецкого народа, наказанием военных преступников и последующим раздроблением, поскольку “преодоление раздробления потребует от немцев большой затраты национальной энергии, которая иначе могла бы быть направлена в более опасное русло” [см. подробнее в широком контексте: Филитов, 2009: 17–77].

Наряду с “обезвреживанием Германии” ещё одним условием безопасности СССР и сохранения длительного мира в Европе являлось, по мнению И.М. Майского, “предупреждение создания... каких-либо других держав или комбинаций держав с сильными сухопутными армиями”. Неслучайно он замечал: “Нам выгоднее всего такое положение, при котором в послевоенный период в Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава – СССР, и только одна могущественная морская держава – Англия”.

Что касается Франции, то “СССР..., – предполагал И.М. Майский, – выгодно способствовать восстановлению Франции, как более или менее крупной европейской державы, однако, невыгодно прилагать специальные усилия к возрождению её былого военного могущества”. Более верным было бы “оказывать Франции политическую и экономическую поддержку, иметь с ней дружественные отношения, использовать её в общем плане нашей европейской политики, но не ставить ставку на превращение Франции в великую державу...”.

Италия, утверждал И.М. Майский, “никогда не была и не будет серьёзной угрозой для европейского мира”, из чего он делал вывод о том, что “необходимо гарантировать целостность её европейских владений, включая Сицилию и Сардинию, но исключ[ить] все её прежние [колониальные] владения” и не допустить возрождения влияния на Балканах. Впрочем, предлагал автор записки о “вопросах будущего мира и послевоенного устройства”, лишение Италии колоний было бы правильнее перепоручить американцам и британцам.

Сложность польского вопроса заключалась в поиске сбалансированного решения: с одной стороны, СССР должен способствовать, с точки зрения И.М. Майского, “созданию независимой и жизнеспособной Польши”, с другой – “мы не заинтересованы, – уточнял он, – в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши”. По его мнению, предстояло “осторожно формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ”. В отношении Венгрии “политика СССР... должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу”, а вот применительно к Чехословакии “СССР выгодно стремиться к созданию сильной” страны и подписанию с ней двадцатилетнего пакта взаимопомощи.

Определенная опасность появления англо-американских баз имела в Скандинавии, поскольку норвежцы были готовы их принять: “желательно было бы, – призывал И.М. Майский, – предупредить подобное соглашение”. По его убеждению, “мыслим такой компромисс: базы на атлантическом берегу Норвегии получат не только Англия (и США), но также и СССР”. Возможен и своего рода обмен: СССР “не имеет непосредственного интереса в отношении судебных Голландии и Бельгии” и не возражал бы против создания британских баз в этих странах.

Демократизация “государственного строя вражеских и ныне оккупированных стран” предполагала, по И.М. Майскому, коллективное использование союзными державами различных мер, в том числе и вмешательства во внутренние дела. “Перед этим “вмешательством”..., – писал он В.М. Молотову, – не следует останавливаться, ибо демократия в государственном устройстве стран является одной из существенных гарантий прочности мира, а ведь основной задачей союзников после нынешней войны должно стать построение новой, более эффективной системы безопасности в Европе, да и за пределами Европы... уйти от этой задачи невозможно”.

Коллективным действиям союзников благоприятствовал отказ США “в вопросах будущего устройства европейских стран” от ставки на «создание в Европе консервативно-клерикального блока как противовеса “восточному большевизму”». Британская тактика останется “гибкой и хитроумной”, но британцы, полагал И.М.

Майский, всегда “умели считаться с фактами, независимо от того, нравятся им эти факты или не нравятся”.

В вопросе социально-экономического восстановления страны И.М. Майский обращал внимание наркома В.М. Молотова на предложения А. Идена и К. Хэлла, сделанные во время Московской конференции [Великая Отечественная война, 2014: 260–291], и начале на их основе переговоров с американцами и британцами, пока окончательно не восторжествовала “торгашеская психология мирного времени”.

Споры о Франции в комиссии Литвинова

Позорная капитуляция Франции и отказ от “борьбы на своей... территории”, несмотря на “могущественный флот” и “стотысячные колониальные войска”, по мнению М.М. Литвинова, привели к тому, что страна “так низко пала как никогда ещё ни одна великая держава”¹. С ним согласился академик Е.В. Тарле, единственный член Комиссии, не состоявший в ВКП(б): “Ничего подобного быстроте и странности французского поражения, – подчеркнул он, – мир ещё не видел... немецкие танки спокойно двигались по асфальту вслед за какой-то кашей, которую представляла собой французская армия”.

В связи с этим возрождение страны в качестве великой державы, по мнению Е.В. Тарле, крайне затруднительно, хотя он и “не возражал бы против сильной Франции”, поскольку “она могла бы быть противовесом англо-саксам”. Однако, “...никогда Франция уже не будет великой державой (во всяком случае пока наши поколения живут). Это безнадежное дело”, – передаёт протокол заседания Комиссии слова Е.В. Тарле². СССР, аргументировал учёный, предстоит придерживаться выжидательной позиции и проводить гибкую политику, “но тут она поневоле, – конкретизировал он, – будет в известных рамках”.

Не стоит забывать, замечал М.М. Литвинов, что “история франко-советских отношений показывает, что... Франция ещё менее, чем другие буржуазные государства, хотела и смогла преодолеть свою политико-социальную вражду к советскому государству”, а с учётом отсутствия в политике прямых линий он, как и Е.В. Тарле, предлагал маневрировать “до известных пределов... и играть на англо-французских противоречиях”. Впрочем, перспективы подобной игры М.М. Литвинов сам же оценил скептически. “Франция будет работать с Англией, – говорил он. – В отдель-

¹ Здесь и далее в подразделе цит. дискуссии по: Протокол № 5 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 25 марта 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 1–20.

² Ученик академика Е.В. Тарле профессор Ю.И. Рубинский позднее написал о трудностях возрождения Франции: “...де Голль никогда не примирился с девальвацией интересов своей страны, не поступался её национальным достоинством... тогда, когда притязания Франции казались несопоставимыми с её реальным весом, генерал особенно упрямо настаивал на её естественном праве полноценного участника международного сообщества... Он ставил перед Францией сверхзадачу... – выйти из войны... в единственно достойном её ранге великой державы... Франция стала... ответственной за судьбы Германии, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Столь впечатляющий результат потребовал... изощренного искусства дипломата, умеющего компенсировать слабость своих карт игрой на противоречиях более мощных союзников... идеологии преходящи, а нации вечны, считал генерал” [Рубинский, 2018: 12–14].

ных случаях она будет с нами согласна, но вообще она от Англии не отойдёт”. Исходя из этого, он был готов пойти на представлявшуюся ему компромиссом формулу: “пусть лучше Франция будет слабым орудием в руках Англии, чем сильным”.

В отличие от остальных участников обсуждения, С.А. Лозовский выстроил аргументацию преимущественно на основе классовых противоречий. “Мы совершили бы большую политическую ошибку, – убеждал он собравшихся, – если бы ставили ставку только на Национальный Комитет... Де Голль..., если расшифровать всё, что он пишет, проповедует какой-то необонапартизм, т.е. современный фашизм, но с историческими французскими традициями и французской фразеологией, которая всегда прикрашивала грязные дела французской буржуазии”. Возрождение Франции в качестве великой державы, по его мнению, станет возможным “лишь при победе рабочего класса”.

Однако и он не скрывал, что даже “при потере части колоний Франция не превратится в страну вроде Польши, Румынии” и “будет искать способы объединения для того, чтобы в той или иной форме бороться против англичан, чтобы уменьшить их влияние”, поэтому “не нужно, – убеждал он Комиссию, – ставить крест над Францией”. Тем более “такой сильной, как... была, Франция не может стать, но, чтобы она имела известную силу, чтобы оказывать противодействие – это нам выгодно, не говоря уже о возможных других перспективах... потому что... рабочий класс Франции... сильный...”.

Д.З. Мануильский не согласился с М.М. Литвиновым, “что Франция всецело будет идти в фарватере английской политики, хотя бы даже при наличии глубоких социальных противоречий с СССР... Она будет “бунтовать”, – полагал он, – против нового послевоенного статуса”, и призвал решать вопрос о включении страны в различные органы ситуативно. Е.В. Тарле был также уверен, что “голосовать против допущения Франции нельзя”.

Я.З. Суриц не согласился с Д.З. Мануильским. Франция, заявил он, “перестала в глазах Англии играть роль соперника и конкурента, (следовательно – авт.) устраняться и условия для трений между этими странами... В поисках поддержки против СССР Англия будет стремиться расположить к себе Францию. Англо-французский блок против нас представляется гораздо большей реальностью, чем франко-советский союз против Англии”. Великобритания, аргументировал Я.З. Суриц, выступает за статус-кво в колониях, а значит, не стоит излишне преувеличивать “английские домогательства” и “требования уступки французских колоний”. Американцы способны, по мнению Я.З. Сурица, “менее одиозными формами воздействовать на слабую Францию, чтобы обеспечить свои интересы во французских колониях”.

Послевоенное франко-британское взаимодействие, с точки зрения Б.Е. Штейна, выгодно обеим странам. СССР придется “вести филигранную, очень маневренную политику, чтобы не дать Франции всегда быть орудием английского влияния на континенте”. Общий рецепт, полагал Б.Е. Штейн, найти не получится, будут преобладать ситуативные действия.

25 марта 1944 г. записка об обращении с Францией была направлена В.М. Молотову. В ней содержались рекомендации, часть из которых отличалась от позиции, высказанной членами Комиссии: “...нужно отвести мысль, – значилось в записке, – что Франция может быть лишена какой-либо части её европейской территории”; “недопустимо... усиление Франции расширением её территорий”; СССР не должен

соглашаться на присоединение Саара и Рейнской области; “нет оснований добиваться сохранения за Францией всех её колоний и владений и тем содействовать её усилению”; СССР должен “решительно противодействовать... претензиям... считаться одной из великих держав”, но при этом “...не выступать открыто антагонистами Франции”¹.

Итальянский проект комиссии Литвинова

К Италии, “совоюющей державе”, М.М. Литвинов предложил проявить снисхождение, поскольку она, “в особенности после поражения, для нас угрозы не представляет... и... не исключается возможность... сотрудничества с ней”². Предложение М.М. Литвинова заставило Е.В. Тарле напомнить об историческом контексте проблемы: “силы Италии, – сказал он, – всякий раз обращались в товар, который более или менее выгодно продавался любому сильному хищнику, который шёл против нас... И я бы не стоял на том, чтобы сохранить силу Италии. Это опасно”. Кроме того, данная страна, по мнению Е.В. Тарле, “должна быть наказанной... иначе это будет иметь развращающий эффект”.

Я.З. Суриц возразил Е.В. Тарле и рассчитывал, как и М.М. Литвинов, “применить (к Италии – авт.) менее жёсткие условия по разоружению и ослаблению военного потенциала, чем к Германии”. В территориальном вопросе он настаивал на передаче Югославии Истрии и обосновывал идею международного контроля над Триестом, допуская “в качестве одного из вариантов... отход Триеста к Югославии”.

С.А. Лозовский был более категоричен. Помимо полного разоружения Италии, его устроило бы, если все колонии страны были бы переданы “международной организации”, а Триест – Югославии. Особые условия разоружения Италии, утверждал он, явились бы опасным прецедентом при решении германского вопроса.

Касательно деитализации Балкан Б.Е. Штейн поддержал Я.З. Сурица, а относительно взаимосвязи итальянского и германского вопросов поспорил с С.А. Лозовским: подобные мнимые, по его мнению, прецеденты не позволят проводить самостоятельную политику. Обращение с Италией должно, аргументировал Б.Е. Штейн, отличаться как минимум по трём причинам: 1) “подлинные интересы Италии и России в прошлом никогда не сталкивались”; 2) “в бассейне Средиземного моря Великобритания попытается осуществить свою гегемонию”; 3) Италия “будет искать... мощное государство, на которое она могла бы попытаться опереться против английской гегемонии”, что создаёт неплохую основу для советско-итальянского союза.

М.М. Литвинов размышлял схожим образом. “Если Италия хотела использовать конъюнктуру войны, выступив против нас, – говорил он, – то это ещё не значит, что этого требовали её непосредственные интересы”. Италия способна, с его точки зрения, противостоять распространению британского влияния в Средиземном море. Последний тезис вызвал у Я.З. Сурица сомнения, и он отметил, что “Италия будет еще в большей зависимости, чем Франция”.

Именно слабость Италии, с точки зрения М.М. Литвинова, приведёт к поиску “у нас (имеется в виду СССР. – авт.) опоры, чтобы попытаться выйти из вассального

¹ Записка “Обращение с Францией”. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 146. Л. 26–29.

² Здесь и далее в подразделе цит. дискуссии по: Стенографический протокол № 9 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 4 сентября 1944 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 66–87.

положения. Этого, по крайней мере, будет требовать здравый смысл”. Что касается Триеста, то М.М. Литвинов хотел бы “предоставить (данную территорию – авт.) в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к южным морям – Австрии, Чехословакии”. Снисхождение к итальянцам, утверждал М.М. Литвинов, не создаст проблемы в Германии.

“Мы, конечно, не должны нисколько возражать против лишения Италии её колоний, но лишь в том случае, если это не пойдёт на пользу Англии, – пояснил он. – Англия же извлечёт пользу даже из передачи итальянских колоний под международную опеку”. На тезис Е.В. Тарле о конвертации военного потенциала страны М.М. Литвинов заметил: “Италия всегда продавала свои силы. Что-же, может быть мы сами будем покупателями?”.

Реализм дипломатов великой державы

При анализе изначально не предназначенных для публикации проектов и обсуждений морализация едва ли уместна. Большой интерес представляют те установки, которыми руководствовались советские дипломаты, участвовавшие в подготовке послевоенного урегулирования в Европе. На основе изученных документов можно выделить шесть таких установок:

1) великие, средние и малые державы заинтересованы в сохранении мира, в успешном политическом и социально-экономическом развитии; в связи с этим идеологические противоречия, по всей видимости, хотя бы временно отойдут на второй план;

2) данное развитие будет успешным и долгосрочным только при наличии согласованных правил и созданных на их основе институтов, которые должны учитывать в первую очередь интересы великих держав, предотвращать конфликты между ними и подавлять актуальные на тот период времени угрозы;

3) сотрудничество великих держав является сложным феноменом, добиться постоянства, избежать ситуативных конфликтов, желания нейтрализовать друг друга и дипломатической игры на противоречиях не удастся;

4) важно детально определить функциональную ответственность великих держав, сферы влияния и те обязательства, которые они возьмут на себя в рамках послевоенного разделения труда и реализации основной цели – поддержания и сохранения мира;

5) так называемый гипноз “военной атмосферы” предполагает для СССР быстрое разрешение наиболее значимых территориальных вопросов, репарационной проблемы и получения помощи в восстановлении со стороны западных союзников;

6) наличие противоречий и недовольных среди бывших лидеров, средних и малых государств создаёт благоприятную основу для сотрудничества стран с различной идеологией.

Исходя из этого, излишняя революционная активность была бы способна помешать появлению “новой и эффективной системы безопасности в Европе”. Тогда как ставка на демократизацию Европы, а, по сути, борьба за участие во власти дружественных СССР политических партий и движений способствовала бы, по мнению советских дипломатов, равноправию и балансу интересов великих держав.

В этом контексте совершенно не важно, какой из проектов имел шансы на успех. В 1944 г. можно было ещё обсуждать многое, поскольку опции оставались от-

крытыми. Главное же осознать другое: ни одна великая держава (СССР, естественно, не был исключением) не могла планировать послевоенное устройство без схожих, адаптированных к собственным реалиям и положению установок. Следовательно, ничего особенного в попытке ослабить Италию и Францию, получить стратегически выгодные границы не было. Великие державы реализуют свои методы и логику, которым активно, по мере сил и возможностей, противодействуют средние и малые страны, добиваясь раздора между крупными акторами.

Проблема заключена в другом: послевоенное время создавало благоприятные условия для сближения и большей ответственности великих держав. И, как показали дальнейшие события, отнюдь не СССР отказался от своей доли ответственности за поиск компромисса и эффективной системы безопасности. К сожалению, исторический шанс был в очередной раз упущен.

Советские дипломаты не могли предугадать все события, но, прекрасно понимая сколько жертв стоила завершающаяся война, были обязаны мыслить как представители великой державы. Это были их мобилизация, их дипломатический фронт, борьба на котором должна была продолжаться и после подписания будущей капитуляции, прекращения огня на полях сражений. Это были их ответственность и долг за судьбу страны. Это было их сражение за поддержание статуса великой державы, а с ней и за плоды Победы.

Неудивительно, что в вышеприведённых установках присутствуют принципы потенциальной системы международных отношений: постоянное взаимодействие великих держав, признание статус-кво, ограниченности и бесперспективности индивидуальных шагов. Если бы всеми великими державами были взяты за основу установки 1944 г., то Европа могла бы стать неразделённым континентом мира и благополучия, а также избежать холодной войны.

Складывается впечатление, что западные державы не столько опасались СССР, сколько не были подготовлены к политической деятельности в сложном мире, поэтому был выбран не вариант соглашения и взаимных обязательств, а упрощённый вариант раскола и вытеснения. Крайне важно подчеркнуть и другое: большевистская идеология в процессе согласования будущей системы безопасности и международных отношений не сыграла бы для СССР первостепенную роль. Противоречия между США и Великобританией рассматривались, скорее, как противоречия между конкурентами, что было вполне оправдано.

По этой причине «традиционализация» советской внешней политики», т.е. «усиление её преемственности с политикой исторической России», стала средством сохранения страны, возвращения её к привычному (нормальному) состоянию.

* * *

Из Великой Отечественной войны можно извлечь много уроков, но на один требуется обратить особое внимание: мир, если не придерживаться наивно-идеалистического представления, не может существовать без великих держав, их диалога и разделения ответственности. При этом не имеет никакого значения, будут ли они называться великими, крупными или по-иному. Важно то, что они сохраняются, а значит, сохранится и стоящая перед ними задача – научиться успешно сосуществовать в определённой конфигурации, обеспечивать эффективное сотруд-

ничество и развитие в крайне разнообразном и сложном мире [см. подробнее: Максимычев; Синдеев, 2015].

Список литературы

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. (2014) В 12 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. Кучково поле, Москва, Россия. 864 с.
- История международных отношений: В трёх томах: Учебник (2012) Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война. Аспект Пресс, Москва, Россия. 496 с.
- Максимычев И.Ф., Синдеев А.А. (2015) Международно-правовое наследие Великой Отечественной войны. Великая Победа: в 15 т. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 14. МГИМО(У), Москва, Россия. с. 300–359.
- Обичкина Е.О. (2015) Идеология и геополитика в советской дипломатии периода освобождения. Великая Победа: в 15 т. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 13. МГИМО(У), Москва, Россия. с. 201–246.
- Печатнов В.О. (2015) Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР. Великая Победа: в 15 т. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 13. МГИМО(У), Москва, Россия. с. 7–33.
- Рубинский Ю.И. (2018) Приметы времени: В трёх томах. Т. III: Франция на новых рубежах. ИЕ РАН, Москва, Россия.
- Филитов А.М. (2009) Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. Наука, Москва, Россия. 333 с.

References

- Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. (2014) V 12 t. T. 8: Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuz v gody voyny. Kuchkovo pole, Moscow, Russia. 864 p.
- Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: V trekh tomakh: Uchebnik (2012) Pod red. A.V. Torkunova, M.M. Narinskogo. T. 2: Mezvhoenniy period i Vtoraya mirovaya voyna. Aspekt Press, Moscow, Russia. 496 p.
- Maksimychyev I.F., Sindeev A.A. (2015) Mezhdunarodno-pravovoe nasledie Velikoi Otechestvennoi voyny. Velikaya Pobeda: v 15 t. Pod obshch. red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. 14. MGIMO(U), Moscow, Russia, pp. 300–359.
- Obichkina E.O. (2015) Ideologiya i geopolitika v sovetskoj diplomatii perioda osvobozhdeniya. Velikaya Pobeda: v 15 t. Pod obshch. red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. 13. MGIMO(U), Moscow, Russia, pp. 201–246.
- Pechatnov V.O. (2015) Korennoy perelom v khode voyny i vneshnyaya politika SSSR. Velikaya Pobeda: v 15 t. Pod obshch. red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. 13. MGIMO(U), Moscow, Russia, pp. 7–33.
- Rubinskii Yu.I. (2018) Primety vremeni: V trekh tomakh. T. III: Frantsiya na novykh rubezhakh. IE RAN, Moscow, Russia.
- Filitov A.M. (2009) Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990. Nauka, Moscow, Russia. 333 p.

The Diplomatic Front of the Great Patriotic War: the Contours of Post-war Europe in 1944

Received 28.03.2020

Author. Sindeev A. Doctor of Sciences (History), Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** a_sin74@mail.ru

Abstract. The paper analyzes three projects of the European post-war order. Two of them appeared during the work of the commission engaged in the preparation of the peace treaties and the post-war order, the head of which was M. Litvinov one of the most experienced Soviet diplomats and the ex-head of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. The author provides a systemic analysis of the Soviet diplomats' and foreign policy experts' suggestions. It was less important to assess how realistic these suggestions were. Much more important was to determine the basic ideas underlying Soviet diplomacy in 1944. These basic ideas represented the *modus vivendi* and the *modus operandi*, which essentially refutes the thesis about the simple return of the Soviet Union to the foreign policy of the Russian Empire, which is very popular in historiography. The USSR was re-designing its foreign policy as a superpower. Thus, it is much more interesting from a scientific point of view to explore the implementation of new commitments in the USSR foreign policy.

Keywords: Great Patriotic war, People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR, Litvinov Commission, Maysky, foreign policy planning.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>